

◆ РЕПОРТЕР ИЩЕТ СОБЕСЕДНИКА ◆

«Я — АКТЕР. И ЭТО — СЧАСТЬЕ!»

В шекспировском театре место действия пьесы обозначалось табличками с различными надписями — «Лес», «Степь» и т.д. В здании, которое ныне занимает театр имени Ш. Руставели, место действия трагедии «Король Лир» на данном этапе обозначено табличкой с одной надписью: «Тихо! Идет репетиция!». Она охраняет то выход на сцену, то дверь репетиционного зала или же кабинета главного режиссера театра Роберта Стуруа. За этой табличкой — пространство творчества. Автору этих строк — благодаря любезному разрешению постановщика — не раз доводилось проникать за этот охраняемый знак. Но мы не будем описывать того, что видели на репетициях. Зачем приоткрывать занавес раньше времени. К тому же сейчас это пространство творчества бурлит, в нем, как в тигле, постоянно рождается новое, и далеко еще до выплавки окончательных, готовых форм... Можно сказать лишь, что поиск отличается сочетание глубины и нетрадиционности подхода к каждому эпизоду трагедии,

...А сейчас дверь кабинета открывается, и на пороге возникает мощная фигура актера Автандила Махарадзе, знакомая многим нашим кино- и телезрителям, а также театральной публике многих стран. Да, для нашего времени это несколько парадоксально: широкий зритель обычно знакомится с актером по его работам в кино, но благодаря тому мирному покорению одной страны за другой, которое осуществляет в последние годы руставелевский коллектив, актер А. Махарадзе сверкнул перед зрителями раз-

ного существа сейчас — в страивании точной логики взаимодействий персонажей и нахождении разнообразных выразительных средств для воплощения этой логики. Рождающаяся в сотворчестве режиссера и актеров точность взаимодействий — основа театра Стуруа (да только не все ее замечают за яркостью внешних форм его спектаклей).

артист воплотил и на сцене МХАТ в постановке «Обвала» этим же режиссером. Можно вспомнить еще немало созданных актером в театре и кино ролей, например...

— Не надо, — просит Автандил. — Если подходить с самых высоких позиций, а только к этому и надо стремиться, то я считаю, что из образов, которые увидели зрители, мною создано только два: именно король Эдвард и Джако.

Я вообще за жестокое отношение к искусству и, в первую очередь, к самому себе, к своей работе. Не люблю говорить об уже сыгранных ролях. И вообще не доверяю актерам, да и режиссерам тоже, которые много говорят. Надо работать, работать!..

И еще: сцена, по моему, не создана для того, чтобы учить уму-разуму. Во всяком случае, для актера — это так. Моя задача — воплотить образ на самом высоком актерском уровне. И все! Начиная новую работу, надо забыть обо всем, что ты делал раньше (опыт может помочь уже где-то дальше). Шекспир вообще, его «Король Лир», образ Глостера, над которым я работаю, — это нечто поразительное. Драматургия Шекспира — мерило для актера.

Главное сейчас для меня — это та огромная свобода, которую предоставил мне в

работе Роберт Стуруа, — свобода мысли, свобода поиска. Мне абсурдна мысль о том, что якобы этому режиссеру нужны не актеры, а манекены. Я каждую минуту чувствую, что нужен постановщику именно как актер. Вообще бессмысленно, по моему, деление театра на актерский и режиссерский. Только сотворчество постановщика и артиста может быть плодотворным. В иной театр я не верю!

Сам процесс сценического освоения «Лира» исключительно интересен, доставляет огромное удовольствие (хочу подчеркнуть, что говорю о процессе, а не о результате). И я счастлив, что работаю в театре имени Ш. Руставели, счастлив, что работаю над потрясающей ролью Глостера в пьесе Шекспира — гениального драматурга, счастлив, что работаю у Стуруа...

Автандил Махарадзе родом из театральной семьи. Его отец — актер — слишком рано, в 25 лет, ушел из жизни. Но гены, очевидно, определили уже в детстве выбор профессии. Автандил оканчивает Грузинский театральный институт имени Ш. Руставели, в стенах которого, кстати, состоялась его первая встреча с Шекспиром — ролью Шейлока в «Венецианском купце». Вскоре после окончания вуза А. Махарадзе связал свою творческую судьбу с коллективом руставельцев. Здесь

актер сыграл такие роли, как...

— Не стоит перечислять, — снова просит Автандил. (Следует пояснить: то, что зафиксировано здесь как актерский монолог, происходило в форме беседы). Скажем о другом. Наша национальная драматургия не может похвастаться обилием классических пьес. А ведь именно на ней, на национальной драматургии, должен воспитываться любой мастер сцены.

Я не присоединяюсь к тому большинству актеров, которые постоянно говорят, что мечтают сыграть роль современника. В нашей современной драматургии (и не только в грузинской) нет сейчас таких ролей, которые бы содержали материал на уровне классики (если они появятся, то я изменю свою позицию). А пока я предпочитаю классику. А как же с темой современности? По моему, наиболее злободневны как раз спектакли, созданные по произведениям классическим. Лучшие из них являют нам образ современности.

Несомненно, современен и подход нашего театра к «Королю Лиру». Я опять-таки говорю не о творческих результатах, а о самом процессе работы.

Есть гениальная пьеса. Есть общие творческие устремления. Мы находимся в поиске. И это — счастье!..

Ираклий ХИМШАШВИЛИ